

На гербарных листах — растения, которые ботаники называют съедобными дикорастущими. Их собирали многие поколения наших предков, они по-прежнему еда для знатоков. И вроде бы ничего необычного. Но собраны они совсем рядом и за несколько лет до того, как начался рассказ нашей героини. Нам не слышно голоса Ефросиньи Дмитриевны. Но текст сохраняет интонацию. Она перечисляет события, иногда только намечая хрупкую границу жизни.

Вспоминает Ефросинья Дмитриевна Шумяк

Родом я из Краснодарского края, с Кубани. Жили мы не в самой станице, а на хуторе. У родителей нас детей было пятеро, да еще с нами жили бабушка и дед. Первый раз раскулачивали в 1929 году, но тогда мы уцелели. А второй раз начали раскулачивать в 1931 году, в феврале. В то раскулачивание пострадала почти вся станица, поголовно выселяли. Мы в это время уже были колхозниками. В хозяйстве у нас было три лошади: кобыла, двухлеток и жеребенок, корова, три поросенка, куры, гуси, кролики. В нашем колхозе не было конюшен и коровников, поэтому скотину в колхоз не забирали — все равно негде ее держать. Может, из-за скотины и стали мы кулаками?

Приехали из станицы, все описали, скотину забрали, даже курей — посадили их в ларь, а когда привезли в станицу, оказалось, что все они задохлись. Описали и постройки, и всю утварь, инвентарь. А нас посадили в товарный вагон и повезли в Чусовой.

У нас с собой ничего не было: ни постельного белья, ни теплой одежды, ни запаса еды. Какая теплая одежда на Кубани? Там если с утра снег выпадет — к обеду растает. На улицу был один тулуп и пара валенок, пользовались по очереди, когда ездили на мельницу, весь хутор знал: раз он тулуп взял, значит, на мельницу собирается.

Перед отправкой родители успели засушить в печи резаных кабачков, а больше ничего после раскулачивания не осталось — вот и весь запас еды. В пути иногда выдавали нам суррогатный хлеб и воду. Умирать люди начали уже в поезде.

В Чусовом был, наверно, сборный пункт. Оттуда людей рассылали в разные стороны: кого на Усьву, кого в Кын, кого в сторону Тагила. Жили мы на окраине Чусового почти год. Родители ходили на лесозаготовку, а мы, дети, оставались в бараке. В школу нас не водили.

А зимой 1932 года отправили нас в поселок Октябрьский. Поездом до станции Кумыш, а оттуда пешком — на Октябрьский — это километров двадцать. Весь поселок состоял из барачков, в каждом человек по пятьдесят. А сколько было барачков — точно не помню.

Встретили нас свои же ссыльные враждебно, злорадствовали: вот, мол, сначала вы нас раскулачивали, а теперь и ваша очередь пришла. Умирать в Октябрьском начали сразу. Голод был настоящий. Единственное, что нам выдавали на паек — мука, да и ту давали нерегулярно. Из муки делали затируху.

А работать надо было много, нормы на лесозаготовке повышенные. Кто на лошади бревна трелевал, мог хоть горсть овса когда у лошади взять, а что есть лесорубам? А у всех еще дети и старики в поселке...

У нас первой умерла бабушка, весной 1932 года. Дед сделал для нее гроб из сундука, она была единственной из нашей семьи, кого похоронили в гробе. Могилу вырыли на другом берегу речки, сначала кладбище там было. А потом стали умирать по несколько человек в день, гробы делать перестали, да и хоронили уже в братских могилах, попросту в ямах.

Утром обходят бараки и выносят умерших к дверям, а потом на волокушах для трелевки леса везут к могиле, волоком по снегу, по несколько мертвецов. Хоронить стали и по эту сторону речки, чтобы поближе было. Когда умер дед, мама зашила его в половик, так в половике и положили его в братскую могилу.

Отец опух с голоду и работать в лесу уже не мог. А тут подвода пошла в Грязнуху. Отца посадили попутно и довезли до Завода-Кына, там он должен был пойти на прием в больницу. А подвода ушла дальше. Через две недели мать пошла пешком в Завод-Кын навестить отца, а о нем в больнице никто не знает, не приходил он туда. Исчез отец, и что с ним случилось, где он лежит — мы так до сих пор и не знаем.

Одежду рабочую нам не выдавали, а своя на лесной работе быстро изнашивалась. Ходили в лохмотьях, донашивали то тряпье, что осталось от покойников, а обувались в лапти.

Речка в Октябрьском была запружена, весной пруд спускали и по высокой воде сплавляли штабеля леса. А потом шли по берегам и скатывали в воду обсохшие бревна.

Весной вскопали мы несколько грядок, но семян на посадку не было. Нашли пару горстей фасоли, посадили ее, а она вся померзла, не растет здесь фасоль. На вырубках между пеньками выжигали дерн и мох и сажали картошку прямо в непаханую землю, присыпая сверху землей и золой.

Ели молодую зелень: побеги, почки, листья. Потом и грибы пошли. На Кубани мы грибов никогда не видели, нет их в степях. Набрали мы мухоморов и всей семьей наелись. Нашла нас бабка Шульгачиха, лежали мы уснувшие, как будто умерли. По очисткам грибным поняла она, что мы отравились мухоморами, и позвала врача. Тот осмотрел нас, сделал какие-то уколы и сказал, что будем жить. И ведь ожили!

К осени 1933 года уже почти построили школу, осталось только окна вставить. А пока мы, дети, занимались в углу барака. Подружкой моей по школе была Настя Шульгач. Учителем был кто-то из ссыльных, уже не помню кто.

Зимой 1933 года в школу я не ходила, была у меня другая школа: ходила по миру, по всем окрестным деревням, все концы ногами перемерила. Ночь наступает, а мать из барака выглядывает — нет ли коменданта. Комендант ходил и стерег, чтобы люди не разбежались. А как комендант уйдет к себе, я быстро и вышмыгну. Приходила в деревню и стучала в избы — кто что вынесет.

Помню, пришла раз в Копчик, постучалась к знакомой женщине, она впустила меня и сразу на теплую печку — отогреться. И подала она мне большую миску вареных костей — холодец варила. Я всю ночь эти кости грызла.

Зимой 1933 года вся наша семья заболела тифом. Лежали в школьном бараке среди других заболевших. Брат переболел тифом, а потом снова заболел, наверно это был возвратный тиф. Но нашей семье повезло, все дети и мать выжили. А что было в поселке в эти месяцы — я не знаю. Говорят, что комендант умер от тифа, а народ стал разбредаться куда глаза глядят. Весной все мы были очень слабые.

А в июле 1934 года Октябрьский закрыли и всех оставшихся разослали по другим поселкам: кого в Мишариху, кого в Вынырок.

Мы попали в Мишариху. Там жизнь была уже намного легче, уже можно было жить. Работали мы в колхозе, корчевали вырубку, сеяли, пололи посевы. Корчевка — тяжелая работа. Пеньки окапывали и обрубали разлапистые корни, затем подводили под пенек длинный рычаг и несколько человек наваливались. Так каждый пенек на вырубке и убирали, а их было — тысячи и тысячи. На месте вырубок постепенно появлялись поля. Я умела белишь и штукатурить, этим хорошо подрабатывала — звали меня штукатурить дома. В тех местах есть белая глина, она шла вместо штукатурки.

Скотину из Мишарихи летом угоняли на вольный выпас в Октябрьский, на месте поселка и вырубок трава хорошо росла. Угоняли туда и рабочих лошадей на нагул, и телят. Моя сестра в пастухах была. Она рассказывала, что из старых жителей остался в Октябрьском один Шульгач, а куда делась его семья: жена, дети — я не знаю. С его дочкой Анастасией мы вместе в Октябрьском в школу ходили. Но раз он жил один, значит, что с ними случилось? Там еще какое-то время жили лесники — одна или две семьи

В 1938 году работала я на участке Кирпичной. Это был большой поселок, работали и вольные, и сосланные. От Кына — шесть километров по реке. К берегу Чусовой была проложена узкоколейка, она начала действовать с 1939 года, вагонетками подвозили лес к реке. Был в поселке клуб, работала медсестра, а жили люди в бараках.

В 1941 году я, уже беременная, пошла на осенний сплав. Мы шли вдоль берега и скатывали в воду бревна, а там, где на поворотах образовались лесные завалы, мужики растаскивали их. Главное — найти то бревно, которое весь завал держит и подобраться к нему. А подбираться надо по бревнам завала, и если в это время завал стронется, то спастись уже нельзя. Затем цепляют его тросом и с помощью лебедки стараются сдвинуть. Если трос лопнет — то и убить людей может. Прошла я с бригадой от Верхней Осянки до Чизмы и простудилась на холодном ветру, да на холодных ночевках... А из Октябрьского я, пожалуй, последняя осталась.

Интервью записано Сергеем Алексеевичем Гринкевичем, учителем истории и географии, краеведом; прислала Ольга Сафрошенко, редактор бюро музейных и социокультурных проектов «Литер-А»